

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
1 July 2015
Russian
Original: English

Комитет по правам человека

Сообщение № 1967/2010

**Решение, принятое Комитетом на его 113-й сессии
(16 марта – 2 апреля 2015 года)**

<i>Представлено:</i>	Б. и В. (представлены адвокатом Ярославом Чапеком)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Чешская Республика
<i>Дата сообщения:</i>	18 сентября 2009 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение Специального докладчика в соответствии с правилом 97 правил процедуры, препровожденное государству-участнику 11 февраля 2011 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	2 апреля 2015 года
<i>Тема сообщения:</i>	реституция имущества
<i>Процедурные вопросы:</i>	обоснованность утверждений; <i>ratione materiae</i> ; <i>ratione temporis</i>
<i>Вопросы существа:</i>	дискриминация; право на эффективные средства правовой защиты
<i>Статьи</i>	2 и 26
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	2 и 3

GE.15-10014 (EXT)

* 1 5 1 0 0 1 4 *

Просьба отправить на вторичную переработку

Приложение

Решение Комитета по правам человека в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах (113-я сессия)

относительно

Сообщения № 1967/2010*

<i>Представлено:</i>	Б. и В. (представлены адвокатом Ярославом Чапеком)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Чешская Республика
<i>Дата сообщения:</i>	18 сентября 2009 года (первоначальное представление)

Комитет по правам человека, учрежденный в соответствии со статьей 28 Международного пакта о гражданских и политических правах,

на своем заседании 2 апреля 2015 года,

завершив рассмотрение сообщения № 1967/2010, представленного Комитету по правам человека Б. и В. в соответствии с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах,

приняв во внимание всю письменную информацию, представленную ему авторами сообщения и государством-участником,

принимает следующее:

Решение о приемлемости

1. Авторами сообщения являются лица немецкой национальности Б. и В. соответственно 21 июня 1933 года и 20 декабря 1936 года рождения, domiciliрованные в Чешской Республике. Они утверждают, что являются жертвами

* В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: Лазхари Бузид, Константин Вардзелашвили, Марго Ватервал, Ивана Елич, Юдзи Ивасава, Сара Кливленд, Фотини Пазарцис, Мауро Полити, сэр Найджел Родли, Виктор Мануэль Родригес-Ресия, Фабиан Омар Сальвиоли, Оливье де Фрувиль и Юваль Шани. В соответствии с правилом 90 правил процедуры Комитета, в рассмотрении данного сообщения не участвовала член Комитета г-жа Аня Зайберт-Фор.

К настоящему решению прилагается текст особого мнения членов Комитета Оливье де Фрувиля, Мауро Полити и Виктора Мануэля Родригеса-Ресии.

нарушения Чешской Республикой их прав по статьям 2 и 26 Пакта¹. Авторы представлены адвокатом Ярославом Чапеком.

Факты в изложении авторов

2.1 Авторы являются наследниками своих родителей, которые были «чешскими гражданами немецкой национальности». Родители авторов были фермерами; их отец умер в 1944 году. Отец авторов владел фермой в городке Хорни Жиндричов в Судетской области Чешской Республики. Во время Второй мировой войны с целью оказания помощи в производстве продовольствия для Германского рейха для работы на ферме было выделено несколько французских и польских военнопленных. Родители авторов хорошо обращались с военнопленными и кормили их так же, как и питались сами, хотя это подвергало их риску. В 1943 году сосед донес на родителей авторов в германскую полицию. После этого они были осуждены германским судом за «экономический саботаж» против Третьего рейха и за благосклонность по отношению к военнопленным. Мать авторов была приговорена к 18 месяцам концентрационного лагеря, но исполнение приговора было отсрочено, поскольку у нее было четверо маленьких детей. Отец авторов был сначала приговорен к 24 месяцам концентрационного лагеря, а затем был отправлен на Восточный фронт в «штрафной батальон». Он покинул дом 27 июня 1944 года и так и не вернулся. 27 июля 1944 года он был признан умершим, после чего его имущество было конфисковано государством по причине его немецкой национальности². Авторы утверждают, что при конфискации имущества чешские власти не приняли во внимание тот факт, что их родители гуманно обращались с военнопленными, которые работали у них на ферме, и такое обращение стало основанием для их осуждения Германским рейхом.

2.2 В 1992 году мать авторов и Б. подали заявки на реституцию фермы в дечинскую районную администрацию, которая отклонила заявки на том основании, что отец авторов не был чешским гражданином. Авторы утверждают, что районная администрация не приняла во внимание тот факт, что после войны авторы, их мать и их сестры стали чешскими гражданами. Авторы также заявляют, что, хотя президентский указ № 33/1945 ретроактивно лишил чешского гражданства чешских граждан немецкого происхождения, когда этот закон

¹ Факультативный протокол вступил в силу для Чешской Республики 1 января 1993 года в результате уведомления Чешской Республики о правопреемстве в отношении международных обязательств Чешской и Словацкой Федеративной Республики, которая ратифицировала Факультативный протокол в марте 1991 года.

² Авторы не указывают точно время, когда государство конфисковало их имущество, или указ, по которому была произведена конфискация. Как свидетельствует предоставленный авторами перевод решения регионального суда (от 29 июня 2007 года), государство-участник полагает, что имущество было конфисковано по президентскому указу № 12/1945 от 23 июня 1945 года. В решении далее указано, что авторы оспаривали это заключение и пытались установить, действительно ли конфискация была проведена надлежащим образом в соответствии с индивидуальным правовым актом. Как указано в решении, авторы признали, что по положениям Определения Конституционного суда от 1 ноября 2005 года они не могли бы требовать реституции имущества, которое было конфисковано до 25 февраля 1948 года (или после 1 января 1990 года). Наконец, как указано в решении, по мнению авторов, имущество не было конфисковано надлежащим образом и поэтому является частью «лежачего» наследства их отца, вследствие чего они как наследники своего отца имеют право на это имущество. Согласно решению, авторы также заявили, что реституционные законы используются государством-участником для оправдания противоправного владения имуществом.

вступил в действие 10 августа 1945 года, отец авторов уже умер и не мог быть затронут указом, что требовало ряда действий, которые не могли быть предприняты умершим человеком.

2.3 Авторы подали ходатайство о возобновлении процедуры рассмотрения заявки на реституцию, чтобы доказать, что их отец был чешским гражданином и поэтому, будь он жив, имел бы право на реституцию имущества. Это ходатайство было отклонено, и авторы подали в районный суд ходатайство о признании «лежачего» наследства их отца (против квазигосударственного лица, которому было передано имущество их отца после его смерти). В своем ходатайстве авторы подчеркивали, что процедура конфискации не была проведена надлежащим образом, поскольку она не была санкционирована индивидуальным административным актом. Авторы доказывали, что поэтому право собственности не перешло к государству. Однако районный суд постановил, что ферма была конфискована государством надлежащим образом. Последующие апелляции авторов в Апелляционный суд и в Конституционный суд оказались безуспешными на том основании, что у авторов имелся «недостаточный правовой интерес». Аргументация районного суда была основана на Определении Конституционного суда от 1 ноября 2005 года, опубликованного под № 477/2005.

Жалоба

3.1 Авторы заявляют, что отказ государства-участника признать их право на реституцию имущества их покойного отца составляет нарушение статьи 26 Пакта. Авторы полагают, что Определение носило дискриминационный характер, ибо оно не позволяло лицам, чье имущество было конфисковано государством до 1 января 1990 года, подавать ходатайства о реституции в соответствии с обычной гражданско-правовой процедурой. Таким образом, авторы заявляют, что Определение не позволило им получить доступ к справедливому и беспристрастному судебному разбирательству по существу их дел, тогда как лица, чье имущество было экспроприировано после 1 января 1990 года, имели доступ к такой процедуре. Авторы утверждают, что возможной причиной этой дискриминации является то, что государство-участник рассматривает лиц немецкого происхождения как «врагов чехов»³. Авторы также заявляют, что они подверглись дискриминации и не имели доступа к независимому судье, поскольку судьи, опираясь на это Определение, не учитывают правовой интерес истцов.

3.2 Авторы далее заявляют, что государство-участник нарушило статью 2 Пакта. Авторы утверждают, что имущество их отца было экспроприировано противоправно, поскольку конфискация не была санкционирована индивидуальным административным актом, и суды, которые опирались на Определение, лишили их возможности успешно реализовать свое ходатайство о реституции имущества. Авторы утверждают, что до 1 ноября 2005 года Конституционный суд считал, что законы о реституции имущества не возбраняют заявки на реституцию имущества, конфискованного государством до 1 января 1990 года, в случаях, когда государство не приобрело имущество надлежащим образом. Авторы утверждают, что, приняв Определение, Конституционный суд переменил такую практику в отсутствие всяких поправок к реституционному законодательству,

³ Авторы цитируют интервью премьер-министра Чешской Республики Мерека Тополанека, опубликованное в газете «МФ ДНЕС» 3 января 2007 года, в котором премьер-министр якобы сказал: «Мы, чехи, имеем в глубине души некое ощущение, что нашими врагами являются в следующем порядке вот кто: немцы, аристократы, священники, эмигранты».

нарушив тем самым пункт 4 статьи 11 Хартии основных прав и свобод⁴. Авторы считают, что, согласно Декларации, экспроприация имущества возможна «на законном основании и за компенсацию». Авторы утверждают, что Определение нарушило Декларацию и Пакт, позволяя государству-участнику отказываться от компенсации лицам, чье имущество было экспроприировано без законного основания до 1 января 1990 года. Авторы подчеркивают, что, хотя реституционная регламентация не нарушает Пакта, содержащаяся в Определении политическая интерпретация этих регламентаций равносильна такому нарушению. Они также утверждают, что всякий, чье имущество было конфисковано, имеет право на реституцию этого имущества вне зависимости от того, сколько времени прошло с такой конфискации.

3.3 Авторы заявляют, что они исчерпали внутренние средства правовой защиты и что они не передавали этот вопрос на рассмотрение другого международного органа⁵.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа дела

4.1 В своих замечаниях от 22 апреля 2011 года и 27 сентября 2011 года государство-участник перечисляет соответствующие законы и отмечает, что президентский указ № 12/1945 вообще позволил производить конфискацию сельскохозяйственных угодий у всех лиц немецкой и венгерской национальности вне зависимости от их гражданства. Закон № 229/1991 позволил производить реституцию сельскохозяйственных угодий, если они перешли в собственность государства с 25 февраля 1948 года по 1 января 1990 года⁶. Закон № 243/1992 расширил сферу применения Закона № 229/1991 и позволил производить реституцию имущества гражданам Чешской Республики, утратившим свое имущество по президентским указам № 12/1945 или № 108/1945, которые не совершили никаких правонарушений против Чехословацкого государства и которые восстановили гражданство по законам 1948–1953 годов (если только гражданство не было восстановлено по конституционному президентскому указу № 33/1945)⁷. Согласно статье 80 Правил гражданского судопроизводства, иск о признании наличия правоотношений или правомочия можно подавать при условии, что такое признание сопряжено с «насущным правовым интересом». Определение 2005 года предусматривало, что по законодательству о реституции нет возможности попытаться защитить право собственности, которое было погашено до 25 февраля 1948 года, если только реституция такого имущества не разрешена отдельным законом.

⁴ Как представляется, авторы хотели сослаться на чешскую Хартию основных прав и свобод.

⁵ Однако авторы предоставили копию жалобы, которую они подали в Европейский суд по правам человека.

⁶ Закон № 229/1991 был принят Федеральным собранием Чешской и Словацкой Федеральной Республики 21 мая 1991 года и вступил в силу 24 июня 1991 года.

⁷ Закон о реституции № 243/1992 вступил в силу 15 апреля 1992 года. Он предусматривает реституцию имущества, которое было конфисковано в результате декретов Бенеша № 12/1945 и 108/1995. В качестве одного из условий для правомочия на реституцию надо, чтобы чешское гражданство было предоставлено истцу президентским указом № 33/1945 или законами № 245/1948, № 194/1949 или № 34/1953.

4.2 Государство-участник дополняет фактологическую предысторию сообщения и отмечает, что в 1992 году Б. и его мать подали в земельное управление Дечинской районной администрации иск о возвращении фермы по Закону № 229/1991. Этот иск, поданный против юридических лиц, на чье имя было зарегистрировано имущество, был отклонен 7 сентября 1993 года, поскольку мать авторов, которая была единственной наследницей отца авторов, не была приобретателем этого имущества. Имущество было конфисковано *ex lege* на дату вступления в силу указа № 12/1945. По Закону № 243/1992 требованиям о реституции имущества должен отвечать исходный собственник, а требования других правомочных лиц производны от требований исходного собственника. Отец авторов отвечал лишь требованию в отношении конфискации по указу № 12/1945; другим же требованиям он не отвечал. Хотя сами авторы отвечали остальным требованиям (их гражданство было восстановлено им по указу № 33/1945; они не совершали правонарушения против государства; и они являлись чешскими гражданами и постоянными резидентами), они не отвечали требованиям в отношении конфискации, поскольку они не владели этим имуществом. Таким образом, они не имели права на реституцию имущества. Мать авторов 22 сентября 1994 года подала конституционную апелляцию, утверждая, что ее покойный муж был чешским гражданином. Эта апелляция была отклонена 5 октября 1994 года на том основании, что она была явно неосновательной, поскольку не имелось никаких свидетельств на тот счет, что отец авторов был чехословацким гражданином или что он приобрел такое гражданство. Впоследствии мать авторов умерла и ее четверо детей были признаны наследниками в равных долях. Их ходатайство о возобновлении разбирательств было отклонено 30 августа 1996 года на том основании, что они не доказали чешскую национальность своего отца. Их апелляция была отклонена Центральным земельным управлением Министерства сельского хозяйства 31 января 1997 года на том основании, что 10 октября 1938 года отец авторов приобрел германское гражданство по регламентам иностранных оккупационных сил и умер германским гражданином. Авторы затем подали апелляцию в пражский Высокий суд, который 29 мая 1997 года прекратил разбирательство по процедурному основанию⁸. Государство-участник замечает, что, как представляется, авторы не подали конституционную апелляцию на решение Высокого суда. В 2002 году они подали в Дечинский районный суд несколько исков против юридических лиц с требованием о признании, что ферма все еще является «лежащим» наследством (*hereditas iacens*) их отца. Эти иски были основаны на идентичных правовых доводах (а именно: конфискация была незаконной, поскольку не удалось найти индивидуальный акт о применении указа о конфискации и поскольку было невозможно конфисковать *hereditas iacens*), и большинство из них были отклонены в порядке применения Определения на том основании, что у авторов не было правового интереса в искомом признании, ибо это представляло собой попытку обойти реституционное законодательство. Между тем вследствие приостановления производства по просьбе самих авторов еще не рассмотрено два таких иска. Собрав существенные свидетельства и обследовав исторические справки, районный суд отклонил первый иск, который был подан авторами против государственной компании «Леса Чешской Республики». Исходя из этих архивных справок, районный суд установил, что ферма подлежала конфискации и что и сами первоначальные истцы отмечали в ходе реституционных разбирательств, что имущество было конфисковано по указу № 12/1945. Районный суд постановил, что, хотя спустя длительное время после его выдачи нельзя найти

⁸ Государство-участник цитирует пункт 248 2) е) Гражданского процессуального кодекса, рассматриваемый в сочетании с пунктом 250 d) 3).

индивидуальный административный акт о конфискации, отсюда вовсе не вытекает, что такого акта не существовало в соответствующее время или что конфискация была недействительной. 20 декабря 2007 года окружной суд подтвердил решение районного суда, заключив, в соответствии с Определением, у авторов не было «насущного правового интереса» в признании права собственности. Апелляция авторов в Конституционный суд была отклонена 7 июля 2008 года. Конституционный суд счел, что заявлению авторов о дискриминации со стороны судов недостает фактических и конституционных аргументов, и поэтому оно носит явно неосновательный характер. В 2008 году были аналогичным образом признаны явно неосновательными конституционные апелляции авторов по их второму, третьему и четвертому искам против юридических лиц⁹.

4.3 Государство-участник считает, что авторы не исчерпали внутренние средства правовой защиты, поскольку они не подавали конституционную апелляцию на решение пражского Высокого суда от мая 1997 года, отклонившее их ходатайство о реституции фермы по Закону № 243/1992. Действия же авторов на предмет признания того, что оспариваемая недвижимость остается частью *hereditas iacens* их отца, не представляют собой внутренние средства правовой защиты, поскольку эти действия не могли бы привести к отмене исходных решений о реституции или их последствий. Кроме того, хотя авторы утверждают, что они не подавали конституционную апелляцию, поскольку Конституционный суд занимается лишь конфискациями, которые имели место с 1948 года по 1989 год, в Законе № 243/1992 четко указано, что этот хронологический лимит не применим к действию Закона. Государство-участник также отмечает, что в 2008 году Б. подал жалобу в Европейский суд по правам человека, и 3 марта 2009 года Суд признал жалобу неприемлемой по причине ее явной неосновательности.

4.4 Государство-участник также считает, что утверждения авторов носят необоснованный и явно неосновательный характер для целей приемлемости и по существу. Никакого фундаментального права на новое решение по безуспешному имущественному иску нет, а законодательные хронологические лимиты по реституционным искам (например, лимиты, содержащиеся в Законе № 243/1992) сами по себе не составляют нарушения Пакта. Кроме того, тот факт, что авторы не оказались в состоянии доказать, что они отвечают реституционным требованиям по Закону № 243/1992, нельзя отнести на счет государства-участника. У международного органа нет возможности интерпретировать национальный закон иначе, чем это делают отечественные ведомства, или заключить, что отступления в реституционном законодательстве (такие, как требование в отношении гражданства) могут быть оспорены совершенно вне процедур, установленных самими реституционными законами. Согласно юриспруденции Комитета, иное обращение не носит дискриминационный характер, если оно основано на разумных и объективных критериях. Имущество авторов не было экспроприировано, поскольку авторы и не владели имуществом, и не имели достаточно подкрепленное легитимное ожидание на тот счет, что некоторые из их имущественных требований будут удовлетворены, с учетом того, что никакое ведомство никогда не принимало решения в их пользу. Ситуа-

⁹ Государство-участник отмечает, что второй иск был подан против Земельного фонда Чешской Республики, а третий иск был подан против В.Х., которая приобрела оспариваемое имущество в порядке реституции в 1997 году. Ее родители владели этим имуществом с 1946 по 1965 год, когда их вынудили подарить его государству. В.Х. истребовала признание принадлежности этой недвижимости ее родителям по сроку давности. Четвертый иск авторов был подан против пяти физических лиц.

ция авторов значительно отличается от ситуации лиц, чьи имущественные права были ущемлены после падения коммунистического режима и чьи существующие и осуществляемые права на имущество были сопряжены с экспроприацией по причине, например, общественных работ. Авторы десятилетиями не осуществляли свои права собственности. И поэтому разница в обращении прямо связана с тем обстоятельством, что тут речь идет совершенно о разных категориях лиц. Государство-участник отмечает вывод Комитета о том, что «законодательство, принятое после падения коммунистического режима в Чехословакии для компенсации жертвам этого режима, не является дискриминационным *prima facie* по смыслу статьи 26 лишь потому, что оно не предоставляет компенсации жертвам несправедливости, якобы допущенной предшествующими режимами»¹⁰. Вынося свое Определение, Конституционный суд не установил никаких новых правил в отношении реституции имущества, а просто интерпретировал существующее реституционное законодательство, и сделал он это еще до того, как авторы предъявили свои требования. Государство-участник утверждает, что требования, исключенные определением Конституционного суда, не подкрепляются отечественным правом. И легислатура, и Конституционный суд сочли, с должным учетом общественных интересов, что имела место необходимость ограничить сферу применения реституционного законодательства, ибо возможно смягчить только определенное число прошлых несправедливостей. Безуспешность авторов в востребовании реституционного законодательства являет собой результат стечения различных обстоятельств, а не неизбежное следствие законодательства как такового.

4.5 В ответ на утверждение авторов о том, что имущество было экспроприровано незаконно, поскольку в государственных архивах не было найдено ордера на конфискацию, государство-участник полагает, что по президентскому указу № 12/1945, который предусмотрел конфискацию *ex lege*, в ордере на конфискацию не было необходимости. Государство-участник далее замечает, что адвокат авторов «очень часто...» безуспешно «...прибегал к этому аргументу в ходе различных разбирательств» и авторы не подкрепили этот довод какими-либо ссылками на соответствующее национальное законодательство или юридическую практику. Государство-участник далее полагает, что Комитет не в состоянии переоценивать интерпретацию и применение отечественного законодательства, особенно в отношении правовых регламентаций, которые давали эффект несколько десятилетий тому назад.

4.6 В ответ на довод авторов относительно независимости чешской судебной системы государство-участник отмечает, что все судьи Конституционного суда назначаются в соответствии с Конституцией, принятой после окончания коммунистического режима, демократически учрежденными государственными органами. В более конкретном плане судьи Конституционного суда назначаются президентами, которые не имеют связей с Коммунистической партией и отвергают идеологию этой партии. Далее, назначение судей президентом должно быть одобрено Сенатом, в котором представительство коммунистической партии всегда носит лишь маргинальный характер.

Комментарии авторов по замечаниям государства-участника

5.1 В своих комментариях от 1 июля 2011 года авторы повторяют, что имущество их отца не было конфисковано законным образом, поскольку в архивах государства-участника не было найдено ордера на конфискацию. Авторы

¹⁰ См. сообщение № 643/1994, *Дробек против Словакии*, Соображения, принятые 14 июля 1997 года, пункт 6.5.

утверждают, что они обнаружили отсутствие ордера только тогда, когда они лично провели поиск в архивах, и заявляют, что государство-участник не предоставило этого ордера. Они далее доказывают, что имущество было отобрано в силу немецкой национальности их отца, что представляет собой дискриминацию. Они также доказывают, что государство-участник подвергло их дискриминации по сравнению с лицами, чье имущество было конфисковано до 25 февраля 1948 года (и позднее было возвращено им). Авторы утверждают, что Определение нарушает основополагающий принцип, согласно которому лицу, которое незаконно владеет имуществом, требуется вернуть такое имущество вне зависимости от срока давности. Авторы заявляют, что у них не было реального шанса опротестовать конфискацию после 1945 года, поскольку никто не желал опротестовывать конфискации во все более коммунистической стране, и они впервые получили такую возможность только после отстранения коммунистов от власти в 1990 году. Авторы опровергают довод государства-участника о том, что они пытаются обойти реституционное законодательство, и утверждают, что они просто попытались добиться признания существования «лежащего» наследства.

5.2 Что касается исчерпанности внутренних средств правовой защиты, то авторы утверждают, что они не подавали в Конституционный суд апелляцию на решение пражского Высокого суда 1997 года, поскольку они обнаружили, что Конституционный суд систематически отказывался предоставлять средства правовой защиты в отношении неправомерных действий в связи с реституцией, имевших место до 1948 года, и поэтому такая апелляция не была бы эффективным средством. Авторы также заявляют, что в ходе принятия Определения четверо судей Конституционного суда были бывшими членами Коммунистической партии и должны были взять самоотвод в связи с вынесением решения по этому вопросу, который имеет отношение к преступлениям, совершенным этой партией. Авторы утверждают, что если бы такой самоотвод имел место, то Определение не было бы принято, поскольку у Суда не было бы требуемого кворума в составе девяти судей.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 93 своих Правил процедуры установить, является ли сообщение приемлемым по Факультативному протоколу к Пакту.

6.2 В соответствии с требованиями пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования, и, таким образом, делает вывод о том, что пункт 2 а) статьи 5 Факультативного протокола не является препятствием в данном конкретном случае¹¹.

6.3 Комитет отмечает утверждения авторов по статье 2 Пакта о том, что рассматриваемое имущество не было конфисковано законным образом в силу отсутствия индивидуального административного акта; что Определение интер-

¹¹ Комитет отмечает, что этот же вопрос рассматривался прежде Европейским судом по правам человека, который 3 марта 2009 года признал жалобу авторов неприемлемой как явно необоснованную.

претирует реституционное законодательство таким образом, чтобы позволить государству отказаться от компенсации в пользу лиц, чье имущество было экспроприировано без законных оснований до 1 января 1990 года; что чешские суды, опираясь на Определение, лишили их возможности добиться реституции; и что они имеют право на реституцию или на компенсацию имущества. Комитет напоминает, что Пактом не защищается право собственности¹², и тем самым он не компетентен *ratione materiae* рассматривать любые предполагаемые нарушения такого права. Кроме этого, хотя Комитет сожалеет о предположительных обстоятельствах, связанных с конфискацией имущества, он отмечает, что Пакт не может применяться ретроактивно, а конфискация имела место в 1945 году – до вступления в силу Пакта и Факультативного протокола¹³. Наконец, Комитет напоминает, что индивиды могут прибегать к пункту 3 статьи 2 Пакта только в связи с другими статьями Пакта, и как таковой и сам по себе он не может быть сопряжен с тем или иным требованием по Факультативному протоколу¹⁴. Соответственно, эти утверждения являются неприемлемыми по статьям 2 и 3 Факультативного протокола.

6.4 Комитет также отмечает утверждение авторов по статье 26 Пакта о том, что чешская судебная система произвела их дискриминацию по причине их немецкого происхождения, применив Определение, которое ограничительно интерпретирует реституционное законодательство и тем самым применяет к заявителям иное обращение в зависимости от даты, на которую было конфисковано их имущество. В этом отношении Комитет отмечает довод авторов о том, что такие хронологические ограничения составляют дискриминационное обращение, ибо они мешают лицам, чье имущество было конфисковано за рамками установленного промежутка времени, добиться реституции. Комитет отмечает, что изложенные в Определении хронологические ограничения, которые помешали авторам добиваться реституции имущества, ибо оно было конфисковано до 25 февраля 1948 года, применимы ко всем равным образом. Комитет отмечает, что авторы не объяснили, как хронологические ограничения связаны с национальным или этническим происхождением. Комитет поэтому полагает, что информация, предоставленная авторами, не подкрепляет их довод о том, что чешские суды, применяя Определение по делам, связанным с реституцией имущества, совершили дискриминацию по отношению к ним на основании гражданского или этнического происхождения. Соответственно, Комитет считает, что авторы не обосновали для целей приемлемости, что применение Определения носило дискриминационный характер по смыслу статьи 26. И поэтому это утверждение является неприемлемым по статье 2 Факультативного протокола.

6.5 Комитет далее отмечает утверждение авторов по статье 26 Пакта о том, что они не имели доступа к независимому судье, поскольку, когда судьи применяют Определение, они отказываются изучать вопрос о правовом интересе истцов. Комитет далее принимает к сведению утверждение авторов о том, что несколько членов Конституционного суда, который вынес Определение, были членами Коммунистической партии и должны были бы взять самоотвод, в слу-

¹² См. сообщения № 724/1996, *Мазуркевичова против Чешской Республики*, решение о неприемлемости, принятое 26 июля 1999 года, пункт 6.2; № 544/1993, *К.Й.Л. против Финляндии*, решение о неприемлемости, принятое 3 ноября 1993 года.

¹³ См. сообщение № 1748/2008, *Бергауэр и др. против Чешской Республики*, решение о неприемлемости, принятое 28 октября 2010 года, пункт 8.3.

¹⁴ См. среди прочего сообщение № 1834/2008, *А.П. против Украины*, решение о неприемлемости, принятое 23 июля 2012 года, пункт 8.5.

чае чего Определение не было бы вынесено и реституционные требования авторов не сталкивались бы с хронологическим барьером. Как он неоднократно отмечал, Комитет напоминает, что он не является конечной инстанцией, правомочной производить переоценку фактологических выводов или применения отечественного законодательства, если только он не может установить, что разбирательства в отечественных судах носили произвольный характер или были равносильны отказу в правосудии¹⁵. В данном же случае Комитет считает, что авторы оспаривают существо отечественной юриспруденции, но не обосновали для целей приемлемости, что вынесение и применение Определения чешскими судами было равносильно произволу или отказу в правосудии. И поэтому данное утверждение является неприемлемым по статье 2 Факультативного протокола¹⁶.

7. Таким образом, Комитет по правам человека постановляет:

- а) признать данное сообщение неприемлемым по статьям 2 и 3 Факультативного протокола;
- б) довести настоящее решение до сведения государства-участника и авторов.

¹⁵ См. сообщения № 541/1993, *Симмс против Ямайки*, решение о неприемлемости, принятое 3 апреля 1995 года, пункт 6.2; № 1138/2002, *Аренц и др. против Германии*, решение о неприемлемости, принятое 24 марта 2004 года, пункт 8.6; № 917/2000, *Арутюнян против Узбекистана*, Соображения, принятые 29 марта 2004 года, пункт 5.7; № 1528/2006, *Фернандес Мурсия против Испании*, решение о неприемлемости, принятое 1 апреля 2008 года.

¹⁶ В свете своих выводов Комитет не считает необходимым изучать заявление государства-участника о том, что авторы не исчерпали внутренних средств правовой защиты для целей приемлемости.

Дополнение

[Подлинный текст на французском языке]

Особое мнение членов Комитета Оливье де Фрувиля, Мауро Полити и Виктора Мануэля Родригеса-Ресии (частично несогласное)

1. В своем решении по делу, касающемуся «Б.» и «В.», Комитет счел, что жалобы авторов по статьям 2 и 26 являются неприемлемыми.
2. Мы согласны с Комитетом, что жалоба по статье 2 является неприемлемой, но считаем, что, хотя Комитет перечисляет в пункте 6.3 своего решения несколько оснований для неприемлемости, решающим является только первое из таких оснований, а именно: на статью 2 можно ссылаться только в сочетании с другой статьей Пакта. В частности, как представляется, делать акцент на недостаточную юрисдикцию *ratione temporis* малооправданно по крайней мере по двум формальным резонам: во-первых, поскольку на эти основания не опиралось государство-участник, уж не Комитету выдвигать их по своему собственному почину (см. сообщение № R.10/44, *Пиетройя против Уругвая*, Соображения, принятые 27 марта 1981 года); во-вторых, Комитет применил эти основания только к жалобе на основе статьи 2, но не к жалобе на основе статьи 26, что носит непоследовательный характер. Кроме того, чтобы сделать такого рода исключение, Комитет прямо ссылается на свои Соображения по делу *Бергауэр и др. против Чешской Республики*. А ведь аргументация по этому делу отнюдь не безупречна. Однако останавливаться на этом тезисе нет необходимости, поскольку Комитету, на наш взгляд, не следовало принимать во внимание эти основания в данном деле.
3. Мы также согласны с выводом Комитета в пункте 6.5 в отношении второй части довода заявителей по статье 26; этот довод действительно представляется недостаточно обоснованным и поэтому может быть отклонен как явно неосновательный.
4. Однако, при всем уважении, мы не согласны с выводом Комитета о том, что может быть отклонена как неосновательная и первая часть довода заявителей о том, что чешская судебная система произвела их дискриминацию по причине их немецкого происхождения, когда применяла Определение, в котором Конституционный суд ограничительно интерпретировал реституционное законодательство, подвергнув тем самым заявителей иному обращению в зависимости от даты, на которую было конфисковано их имущество (решение Комитета, пункт 6.4). В ответ на это Комитет заявил, что хронологические ограничения, установленные реституционным законом 1991 года и подтвержденные Конституционным судом и судами, выносившими решения по делу авторов, применимы «ко всем равным образом». Он также полагает, что «авторы не объяснили, как эти хронологические ограничения связаны с национальным или этническим происхождением» (см. пункт 6.4).
5. Мы полагаем, что жалоба авторов была достаточно обоснована, чтобы заслуживать рассмотрения по существу. Изначально конфискация имущества произошла на основании президентского указа № 12/1945, который «вообще позволил производить конфискацию сельскохозяйственных угодий у всех лиц немецкой и венгерской национальности вне зависимости от их гражданства».

Однако реституционный закон 1991 года «позволил производить реституцию сельскохозяйственных угодий, если они перешли в собственность государства с 25 февраля 1948 года по 1 января 1990 года» (см. пункт 4.1). Таким образом, было ясно, что хронологические рамки закона исключали любые реституционные требования в отношении конфискации, которые произошли в 1945 году у лиц немецкой или венгерской национальности, упомянутых в указе 1945 года.

6. Кроме того, в данном деле само правительство, как представляется, уж по крайней мере признало наличие «разницы в обращении» между разными категориями лиц: «Ситуация авторов значительно отличается от ситуации лиц, чьи имущественные права были ущемлены после падения коммунистического режима» и которые столкнулись «с экспроприацией по причине, например, общественных работ. Авторы десятилетиями не осуществляли свое право собственности. Соответственно, разница в обращении прямо связана с тем обстоятельством, что тут речь идет совершенно о разных категориях лиц» (см. пункт 4.4).

7. Комитету было бы уместно уделить дальнейшее внимание существу данной жалобы, попросив государство-участник объяснить свою позицию по этому вопросу.

8. Комитет критикует авторов за то, что они не разъяснили связь между хронологическим лимитом по закону и предполагаемой дискриминацией на основе национального или этнического происхождения авторов. Другими словами, бремя доказывания он возлагает исключительно на авторов, тогда как они представили свидетельства связи между хронологическими лимитами по закону 1991 года и его последующим подтверждением и потенциальной дискриминацией против группы лиц. В свете этих свидетельств Комитету следовало бы заявить в ходе своего рассмотрения по существу, что как раз государству-участнику и надлежит доказать не только то, что хронологический лимит не был дискриминационным сам по себе, но и то, что он не привел к косвенной дискриминации, или, иначе говоря, что он не привел к пагубным последствиям, которые «затрагивают исключительно или непропорционально определенных лиц на основе их расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства»^a. В настоящем деле вопрос состоял в том, были ли лица немецкой национальности единственной категорией лиц, затронутых таким хронологическим лимитом, или не были ли они затронуты непропорционально по сравнению с другими категориями лиц. Если бы Комитет пришел к такому заключению, то государству-участнику все же была бы дана возможность показать, что такое нарушение права на равенство перед законом по смыслу статьи 26 преследовало законную цель и было основано на объективных и разумных основаниях. Считая, что авторы не «разъяснили» достаточно свое утверждение о дискриминации, Комитет возложил на них ненадлежащее бремя, хотя государство-участник не разъясняет четко, чем оправдана такая разница в обращении, существование которой признается самим государством-участником.

^a См. сообщение № 998/2001, *Алтхаммер и др. против Австрии*, Соображения, принятые 8 августа 2003 года, пункт 10.2.